

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВЫБОРАХ И ПАРТИЯХ: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА МЕТАНИЙ

А.Е. Любарев

*Движение в защиту прав избирателей «Голос»,
Комитет гражданских инициатив,*

Ю.Г. Коргунюк

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Фонд «Информатика для демократии»,*

Г.М. Михалева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Экспертная группа «Европейский диалог»*

Аннотация: *В статье анализируется, как менялось партийное и избирательное законодательство постсоветской России. Показано, что у изменений, выглядевших своего рода «законодательными метаниями», имелась, тем не менее, внутренняя логика, которая связана с стремлением власти удержать свои позиции в условиях меняющейся конъюнктуры.*

Ключевые слова: *выборы, избирательное законодательство, избирательные системы, политические партии.*

Формирование институциональной среды, в которой действуют политические партии современной России, — прежде всего избирательного и партийного законодательства — проходило в несколько этапов.

В области избирательного законодательства постсоветская Россия двигалась от мажоритарной системы выборов к смешанной (двойной несвязанной, мажоритарно-пропорциональной), затем к пропорциональной и, наконец, возвратилась к смешанной несвязанной. Это касалось в первую очередь федеральных выборов, однако то же самое в общих чертах повторилось и на региональном уровне.

В области партийного законодательства этап минимального регулирования деятельности политических партий (1990-е гг.) сменился максимальным ужесточением требований (2001–10), затем их новым ослаблением (2012–13) и новой «подморозкой» (2013–14).

У этих эволюций, выглядевших своего рода «законодательными метаниями», имелась, тем не менее, внутренняя логика [более подробно об истории выборов и партий с 1989 г. см.: Коргунюк 2007, Михалева 2009, Кынев, Любарев 2011].

История современных российских выборов берет начало в 1989 г., когда после 70-летней однопартийной диктатуры состоялись первые более-менее конкурентные выборы. Помимо 750 человек, делегированных на Съезд народных депутатов СССР общественными организациями, 1500 депутатов (646 из них — в РСФСР) в большинстве округов были избраны на альтернативной основе.

Выборы проводились по мажоритарной системе абсолютного большинства — в одномандатных территориальных и национально-территориальных округах. Кандидатов могли выдвигать трудовые коллективы, общественные организации и собрания избирателей. В действительности же в роли главных субъектов выдвижения выступали трудовые коллективы. Роль общественных организаций в этом процессе была невелика, а применительно к собраниям избирателей закон предусматривал столько ограничений, что воспользоваться этой возможностью удалось очень немногим.

Деятельность общественных организаций в тот период регулировалась Положением о добровольных обществах и союзах (1932), в соответствии с которым создавать подобные объединения можно было лишь для «активного участия в социалистическом строительстве» и «содействия укреплению обороны страны». При этом решение о целесообразности создания той или иной общественной организации принималось государством. Никаких легальных политических партий, кроме КПСС, в стране не было. Правда, к тому времени уже действовал провозгласивший себя оппозиционной партией Демократический союз, но он не был зарегистрирован и к тому же бойкотировал выборы.

Выдвинутые кандидаты проходили через фильтр окружных предвыборных собраний, решавших, кого включить в избирательный бюллетень. После этого число кандидатов значительно уменьшилось, количество безальтернативных округов выросло до 399, а конкуренция составила в среднем 1,9 кандидата на один мандат.

Проходившие год спустя, в 1990-м, выборы народных депутатов РСФСР и местных советов были более демократичными: процедура их проведения не предусматривала окружных предвыборных собраний и квот для общественных организаций. Безальтернативных округов оказалось всего 33 (из 1068), а средняя конкуренция составляла 6,3 кандидата на мандат.

Однако основным субъектом выдвижения кандидатов по-прежнему оставались трудовые коллективы. Легальных оппозиционных партий все еще не было: 6 статья Конституции СССР (о руководящей роли КПСС) была отменена только 15 марта 1990 г., то есть после первого тура выборов (4 марта).

Уже после выдвижения кандидаты объединялись в неформальные коалиции — блок общественно-патриотических движений России «За политику народного согласия и русского возрождения», блок «Демократическая Россия» и «блок ЦК КПСС», каждый из которых имел собственную предвыборную платформу [подробнее об этом см.: Любарев 2001: 98–103, Коргунюк 2007: 204–208].

Лишь 9 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об общественных объединениях», который легитимизировал свободное создание общественных объединений и заявительный порядок регистрации их уставов. Среди упомянутых в законе видов общественных объединений фигурировали политические партии и массовые общественно-политические движения, к которым, однако, предъявлялся ряд дополнительных требований. В частности, общесоюзные политические партии должны были насчитывать не менее 5 тыс. членов (применительно к общероссийским партиям эта норма не действовала). Вместе с тем избирательное законодательство не делало особых различий между партиями и иными общественными объединениями — во всяком случае, партии никаких преимуществ на выборах не имели.

В сентябре 1993 г. началась избирательная реформа, оформленная сначала рядом президентских указов, а затем законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (1994) и законами о президентских и парламентских выборах (1995).

Авторам реформы, В. Шейнису и его единомышленникам, удалось убедить президента РФ Б. Ельцина, что введение пропорциональной системы будет способствовать успеху реформаторов. Однако они преследовали и более системные цели: превращение выборов в соревнование политических программ, преобладание на выборах общенациональной повестки, политическое структурирование парламента [Шейнис 2005: 578–628]. В общем и целом эти цели были достигнуты.

Новым законодательством вводилась смешанная несвязанная система выборов в Государственную Думу: половина депутатов избиралась в одномандатных округах по системе относительного большинства, вторая половина — по пропорциональной системе в едином округе с закрытыми списками и 5 %-ным заградительным барьером. Субъекты Федерации получили право самостоятельно определять избирательную систему для региональных выборов. Вплоть до 2003 г. на выборах этого уровня доминировала мажоритарная система относительного большинства [Голосов 2006: 219–220].

Из избирательного процесса были исключены трудовые коллективы. Субъектами движения стали избирательные объединения и блоки, а также группы избирателей; было закреплено и право граждан на самовыдвижение. Универсальным условием регистрации кандидатов и партийных списков стал сбор подписей избирателей.

После выборов 1993 г. Б. Ельцин разочаровался в пропорциональной системе и неоднократно пытался отказаться от нее либо хотя бы снизить долю избираемых по ней депутатов, в чем его полностью поддерживал Совет Федерации. Негативное отношение президентской администрации и глав регионов не позволило на тот момент внедрить пропорциональную систему на региональных выборах (исключение составили лишь отдельные субъекты РФ). Тем не менее Государственной Думе удалось отстоять смешанную систему с формулой 225:225 на выборах в нижнюю палату федерального парламента [подробно об этом см.: Гельман 1997; Кынев, Любарев 2011].

В 1994–95 гг. в Госдуме первого созыва шла интенсивная работа над избирательным законодательством, однако основные положения избирательной реформы 1993 г. остались неизменными.

Более существенными были новации, касающиеся партийной системы. Если в 1993 г. избирательными объединениями считались только партии и политические движения, то уже в следующем году к числу таковых было отнесено любое общественное объединение, устав которого предусматривал выдвижение кандидатов на выборах и которое было зарегистрировано не позднее чем за шесть месяцев до объявления дня голосования. Таким образом, политические партии оказались в юридически ущемленном положении, поскольку к ним в соответствии с нормами закона СССР «Об общественных объединениях» предъявлялись повышенные требования, но при этом они не имели никаких дополнительных прав. Итогом подобного «либерализма» явилось участие в думских выборах 1995 г. 43 партийных списков (среди них были такие абсолютно неполитические образования, как Союз работников жилищно-коммунального хозяйства), большинство из которых получило менее 1 % голосов.

В конце 1995 г. Государственная Дума приняла закон о политических партиях, который, однако, был отклонен Советом Федерации и «завис» в неработающей согласительной комиссии [Лапаева 1999: 138–146].

Принятый в 1997 г. закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дал новое определение избирательного

объединения: «политическое общественное объединение (политическая партия, политическая организация, политическое движение), основными закрепленными в уставе целями которого являются: участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов».

В 1998 г. в законе «Об общественных объединениях» (принят в 1995 г.) появилось понятие «политическое общественное объединение», которое определялось как «общественное объединение, в уставе которого в числе основных целей должны быть закреплены участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов». После принятия этой поправки желающие участвовать в выборах должны были перерегистрировать свои уставы. В результате количество потенциальных избирательных объединений заметно сократилось.

В целом поправки, внесенные в 1997–98 гг. в законодательство о выборах и в закон «Об общественных объединениях», сделали из политического общественного объединения некий аналог политической партии (в широком смысле), в то время как собственно партии так и не получили никаких преимуществ перед иными видами политических общественных объединений.

Оппозиционный характер Государственной Думы второго созыва способствовал улучшению избирательного законодательства. Депутаты, в первую очередь от КПРФ и «Яблока», стремились ограничить применение на выборах административного ресурса. Во многом это стремление разделяла и президентская администрация, желавшая обуздать всевластие региональных руководителей. Неслучайно основные препоны на пути демократизации избирательного законодательства ставил в тот период Совет Федерации, однако совместными усилиями его сопротивление удавалось преодолевать. Эта тенденция сохранялась и в первые годы президентства В.В. Путина, для которого перехват полномочий у региональных лидеров был одним из приоритетных направлений деятельности.

Коренной перелом в развитии партийного законодательства произошел после принятия в 2001 г. закона «О политических партиях», наделившего эти общественные объединения исключительным правом выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах¹. Партии могли быть только общероссийскими, они должны были иметь не менее 10 тыс. членов и отделения не менее чем в половине субъектов РФ. Устанавливался сложный бюрократический порядок регистрации партий. Все партии должны были создаваться заново — либо через проведение учредительного съезда, либо путем преобразования общественного объединения.

Вводилось также государственное финансирование политических партий. Начиная с 2004 г. каждая партия, набравшая на федеральных выборах не менее 3 % голосов избирателей, получала фиксированные выплаты за каждый голос. Поначалу их размер был не очень велик — 50 коп., однако с 2006 г. он был увеличен до 5 руб., в 2009 г. — до 20 руб., в 2012-м — до 50 руб., с 2015 г. — до 110 руб., с 2017 г. — до 152 руб. В итоге в настоящее время государственные субсидии составляют подавляющую часть бюджетов четырех парламентских партий (в 2012–2016 гг. они доставались также РОДП «Яблоко», получившей на думских выборах 2011 г. 3,4 % голосов) [подробнее о проблемах финансирования политических партий в России см.: Коргунюк 2010, Коргунюк 2010, Коргунюк 2012].

¹ Положение вступило в силу через два года.

В ходе обсуждения закона высказывались опасения, что он позволит исполнительной власти ликвидировать нежелательные партии, затруднит появление новых политических игроков и что все это в итоге приведет к резкому сокращению общего числа субъектов политики, а следовательно, к монополизации политического пространства исполнительной властью. В первые годы действия закона эти опасения казались напрасными: так, к 2004 г. полный цикл регистрации прошли 46 партий.

В 2002 г. ряд важных изменений был внесен и в избирательное законодательство. По некоторым сведениям², В. Путин поначалу был сторонником мажоритарной системы, но затем его убедили, что при жестком партийном законодательстве пропорциональная система даст больше возможностей для контроля над политическим процессом. В итоге по предложению Б. Надеждина (СПС), которое поддержали как парламентские партии, так и президентская администрация, не менее половины мандатов на региональных выборах было решено распределять по пропорциональной системе.

Кроме того, полноценной альтернативой сбору подписей стал избирательный залог, введенный в 1999 г. в качестве факультативного варианта (начиная с 2004 г. парламентские партии были освобождены и от того и от другого). Было также отменено выдвижение кандидатов группами избирателей. Единственным вариантом для независимых претендентов на депутатский мандат осталось самовыдвижение.

В целом реформы 2001–02 гг. не имели однонаправленного характера и в той или иной мере способствовали развитию политической конкуренции, особенно на региональном уровне. Однако после создания «Единой России» и вступления в нее большей части губернаторов ситуация стала меняться. После того как сильные региональные лидеры (Ю. Лужков в Москве, М. Шаймиев в Татарстане, М. Рахимов в Башкортостане, А. Тулеев в Кемеровской области) признали доминирующую роль федерального центра, для последнего отпала необходимость ограничивать применение на выборах административного ресурса. А когда «Единая Россия» (декабрь 2003 г.) получила большинство в Государственной Думе, исчезли всякие препятствия для законодательного ограничения политической конкуренции.

Уже в 2004–05 гг. появился ряд законов, укладывающихся в эту тенденцию. В 2004 г. была в пять раз увеличена минимальная численность политических партий — с 10 до 50 тыс. человек, причем на выполнение этого требования был отведен всего год. В результате в полную силу раскрылся антидемократический потенциал закона о политических партиях. К середине 2007 г. число зарегистрированных партий сократилось до 15, к 2009 г. — до семи.

Ужесточение коснулось и избирательного законодательства. В 2004 г. были отменены губернаторские выборы, в 2005 г. выборы в Государственную Думу полностью переведены на пропорциональную систему, а заградительный барьер вырос до 7 %. В дальнейшем к выборам исключительно по пропорциональной системе стали переходить отдельные регионы и даже муниципальные образования (вплоть до сельских поселений). Почти повсеместно заградительный барьер на выборах в региональные собрания повысился до 7 %.

В 2005 г. были отменены избирательные блоки, непартийные общественные объединения лишились права направлять наблюдателей на избирательные участки, значительно ужесточились правила регистрации по подписям (в связи с чем резко возросла доля отказов), введены единые дни голосования (два раза в год — в марте и октябре).

В 2006 г. были отменены графа «против всех» и нижний порог явки, запрещены выдвижение членов одних партий по списку других и критика соперников в телеэфире, введены дополнительные ограничения пассивного избирательного права. В 2009 г. был отменен изби-

² См. стенограмму общественных слушаний 26 сентября 2006 г. «Тенденции и противоречия в правоприменении Федерального закона „О политических партиях“» (<http://www.vibory.ru/ArxSobit/st260906-1.htm#Dubrovina>).

рательный залог, а непартийные общественные объединения потеряли право выдвигать списки кандидатов на муниципальных выборах.

Вполне возможно, что ряд шагов, предпринятых в 2004–06 гг., был обусловлен «проблемой–2008». Путин, не решившийся остаться в президентском кресле на третий срок подряд, тем не менее желал сохранить рычаги управления. Для этого ему нужно было усилить личный контроль за главами регионов и депутатским корпусом. Отсюда отмена губернаторских выборов и перевод думских выборов полностью на пропорциональную систему. Отмена голосования «против всех» и порога явки могли быть продиктованы преувеличенным опасением протестного поведения избирателей на президентских выборах, предстоявших в 2008 г. [Бузин, Любарев 2008: 30–42].

Однако в любом случае эти решения вполне органично вписывались в логику централизации административного ресурса и построения властной вертикали: Путин видел противников не только в политической оппозиции, но и во вполне лояльных руководителях регионов, в случае если те, на его взгляд, проявляли слишком большую самостоятельность. Таким образом, отмена губернаторских выборов лишала глав субъектов Федерации главного источника легитимности, а распространение пропорциональной системы на выборы всех уровней давало президентской администрации дополнительные инструменты контроля над органами представительной власти в регионах и муниципалитетах.

Вместе с тем дальнейшее развитие событий показало, что централизация административного ресурса имеет некий предел, переход за который чреват нежелательными последствиями. После того как Путин возглавил «Единую Россию» (апрель 2008 г.), успехи партии на региональных выборах, обеспеченные в первую очередь форсированным применением административного ресурса, стали превращаться в дестабилизирующий фактор. На октябрьских региональных выборах 2009 г. ЛДПР и «Справедливая Россия» смогли провести депутатов лишь в одно заксобрание из трех, причем ни та ни другая не получила представительства в Московской городской думе. В знак протеста обе партии вместе с поддержавшей их КПРФ устроили демарш в Государственной Думе. На повестку дня встал вопрос о «стабилизации» партийной системы.

В 2010 г. начались «послабления», улучшившие положение парламентских (и в какой-то степени непарламентских) партий. В частности, при формальном сохранении 7 %-ного барьера появилась норма, обязывающая давать как минимум один мандат партиям, получившим больше 5 % голосов.

Вместе с тем смешанная система продолжала внедряться на выборы все более низкого уровня: в 2011 г. требование избирать не менее половины депутатского корпуса по партийным спискам было распространено на муниципальные представительные органы не менее чем с 20 депутатами. В то же время тенденция к полному переводу региональных и муниципальных выборов на пропорциональную систему постепенно менялась на противоположную. В частности, в том же 2011 г. Конституционный суд РФ запретил использовать пропорциональную систему в небольших сельских поселениях.

Свою роль в отказе от повсеместного внедрения пропорциональной системы сыграло и обозначившееся в 2011 г. снижение электоральной поддержки «Единой России», обусловленное как последствиями экономического кризиса, так и психологической усталостью населения от длительного правления одной партии. Кроме того, многие из назначенных губернаторов, не пройдя через выборы, просто не умели эффективно применять административный ресурс. Определенную роль сыграли также отсутствие графы «против всех» и скудость выбора, оставленного избирателю, что создало благодатную почву для кампании «Голосуй за любую партию, кроме...». Дополнительным стимулом для реформы стало массовое протестное движение, порожденное масштабом злоупотреблений на выборах.

На все это власти надо было отреагировать. В итоге в 2012 г. минимальное число членов политической партии было снижено сразу до 500 человек³. Одновременно все без исключения зарегистрированные партии были освобождены от сбора подписей избирателей. Были восстановлены губернаторские выборы, правда, с ограничениями (муниципальный «фильтр» и почти повсеместный отказ от самовыдвижения), которые существенно снижали шансы оппозиционных кандидатов попасть в бюллетень для голосования.

В 2013 г. президент внес законопроект, возвращающий на выборах в Государственную Думу смешанную несвязанную систему с 5 %-ным барьером, а группа членов Совета Федерации во главе с председателем СФ — законопроект о возвращении голосования «против всех». В 2014 г. оба закона были приняты, правда, графа «против всех» вернулась только на муниципальные выборы, только с 2015 г. и только в тех субъектах РФ, где на это соглашались региональные законодатели (всего таких регионов оказалось восемь, а затем и это небольшое число стало сокращаться).

Реформа 2012 г. привела к появлению новых сильных игроков и снижению административной управляемости выборами, однако оказалась весьма непоследовательной.

Падение популярности «Единой России» удалось остановить — в том числе за счет перехвата властью «левопатриотической» политической повестки (запрет на усыновление американцами российских детей, присоединение Крыма, неприятие всего исходящего от Запада), протестное движение пошло на спад, а парламентская оппозиция, напуганная приходом новых, зачастую гораздо более радикальных, игроков, стала еще более послушной. Поэтому у власти возникло желание скорректировать некоторые положения реформы, что она и сделала, пойдя в одних вопросах (ограничение числа партий, участвующих в выборах; резкое увеличение госфинансирования) навстречу парламентским партиям, а в других (отмена пропорциональной системы в крупных городах) заботясь исключительно об интересах «Единой России».

Еще раньше, в качестве ответа на волну протестной активности, был принят ряд законов, ограничивающих деятельность некоммерческих организаций и свободу проведения митингов. В 2012 г. в избирательном законодательстве появились новые ограничения пассивного избирательного права, а два единых дня голосования были заменены одним, в сентябре — в расчете на низкую явку. Позднее на сентябрь с декабря были перенесены и выборы в Госдуму. Очевидно, что власть вполне устраивало снижения явки на думских, региональных и муниципальных выборах, так как при этом увеличивался вклад в итоги голосования управляемого электората.

В ноябре 2013 г. было решено отказаться от введенного всего двумя годами ранее обязательного использования пропорциональной системы на муниципальных выборах. Москве и Санкт-Петербургу было разрешено полностью отказаться от голосования по партийным спискам; для других регионов минимальная доля депутатов, избираемых по пропорциональной системе, была снижена с половины до четверти (впрочем, реально из регионов этими возможностями воспользовалась только Москва, вернувшаяся к мажоритарной системе, но на муниципальном уровне отказ от партийных списков оказался существенным).

В 2014 г. законодатели отменили и введенное в 2012-м освобождение партий от сбора подписей. При этом число партий-«льготников» по сравнению с 2004–11 гг. несколько увеличилось: на выборах в Госдуму — до 14, в большинстве регионов и муниципалитетов — первоначально до 5 (к четырем парламентским партиям добавилось «Яблоко»), позже во многих из них это число выросло за счет ряда других партий, но только в Дагестане оно превысило 14 [Кынев 2014: 6–10, Кынев, Любарев, Максимов 2017: 18–19, 46–47, 81–83, 123].

³ К этому времени планка численности политических партий уже была снижена с 50 до 40 тыс., что не оказало никакого влияния на партийную систему.

Таким образом, нестабильность избирательного законодательства приобрела новое качество: изменения коснулись правил, действовавших всего два года, то есть только половину электорального цикла.

В 2016 г. было усложнено направление на избирательные участки наблюдателей и представителей СМИ. Впрочем, в следующем году было решено, что эти ограничения не действуют на президентских выборах, легитимность которых для власти остается важной задачей.

После обновления состава ЦИК России и внутривнутриполитического блока Администрации Президента вновь встал вопрос о необходимости реформы избирательного законодательства. Однако основные контуры такой реформы и ее возможный масштаб пока не ясны. При этом есть большие сомнения в том, что законодателям удастся отказаться от практики внесения в законодательство постоянных конъюнктурных изменений.

Бузин А.Ю., Любарев А.Е. 2008. *Преступление без наказания: административные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов*. — М.: ЦПК «Никколо М»; Центр «Панорама». — 284 с.

Гельман В.Я. 1997. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода. — *Полис. Политические исследования*. — № 4. — С. 125–147.

Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003*. — СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. — 300 с.

Коргунюк Ю.Г. 2007. *Становление партийной системы в современной России*. — М.: Фонд ИНДЕМ, МПГУ. — 543 с.

Коргунюк Ю.Г. 2010. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью. — *Полития*. — № 3/4 (58/59). — С. 87–120.

Кынев А. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации*. — М.: Центр «Панорама». — 728 с.

Кынев А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 792 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2017. *Как выбирала Россия — 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 1142 с.

Лапаева В.В. 1999. *Право и многопартийность в современной России*. — М.: Норма. — 304 с.

Любарев А.Е. 2001. *Выборы в Москве: опыт двенадцати лет, 1989–2000*. — М.: Столичный град. — 416 с.

Михалева Г.М. 2009. *Российские партии в контексте трансформации*. — М.: ЛИБРОКОМ. — 352 с.

Шейнис В.Л. 2005. *Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993)*. Том 2. — М.: Московский центр Карнеги; Фонд Индем. — 771 с.

Korgunyuk Yu. 2010. Party funding in the Russian Federation: a tool of bureaucratic control — *Paying for Politics: political funding in South Africa and the global South*. Ed. by A. Butler. — Johannesburg: Jacana. — P. 106–128.

Korgunyuk Yu. 2012. Party Funding in the Russian Federation: Between Business and State. — *Transitions, Special issue «Le financement des partis politiques dans l'espace postcommuniste. Impacts sur les organisations et systèmes partisans*. — Vol. 52. — No. 1. — P. 89–108.